

Р.Х. Симомян

**РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ.
Ж.Т. ТОЩЕНКО. ЭТНОКРАТИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
(СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ) М.: РОССПЭН, 2003, 432 С.**

В современном мире параллельно развиваются две противоположные, но равноправные тенденции. С одной стороны, мы являемся свидетелями интенсивных процессов интеграции стран, формирования глобальных экономических союзов, выстраивания наднациональных институтов управления социальными процессами. С другой, не менее отчетливо мы можем наблюдать и обратные процессы: увеличение разнообразия, степени фрагментарности мира, рост национального самосознания и усиление культурной дифференциации народов, возрождение традиционных ценностей, расширение локальных националистических устремлений, порой приводящих и к конфликтам. Возможно, в этом проявляется иммунитет человеческого сообщества от губительного единообразия и унификации социальной жизни. В этом смысле национализм — это определенным образом оформленное стремление к экзистенциальной безопасности, своеобразная форма проявления инстинкта выживания, который притягивает человека к той социальной группе, которая гарантирует ему большую устойчивость, большую прочность социальной связи в мире мобильных социальных ролей. Современным людям свойственна множественная самоидентификация, — справедливо замечает Е.А. Нарочицкая (Нарочицкая 2000), — по половому, возрастному, образовательному, профессиональному, религиозному, культурному, региональному и другим признакам, на главное место среди которых в последние два столетия вышел национальный.

Этничность — это единственная константа в мире социальных переменных. Все остальные роли (а стремление к их разнообразию в структуре личности также связано с бегством от однообразия и монотонности бытия) могут изменяться. И политические, и профессиональные, и гражданские, и корпоративные, и конфессиональные и, в последнее время, даже гендерные.

Одновременно этнический ренессанс — это и естественная реакция на стандартизацию социальной жизни. Культурная многоукладность и национальная самобытность находятся сегодня под угрозой, человечеству стремятся навязать какую-то одну модель как единственно верную, нивелировать все его многообразие под один трафарет. Отсюда есте-

ственная реакция снизу — защитить себя, свою уникальность. Нарастающие антиглобалистские тенденции связаны с тем, что люди ощущают себя не представителями некоего общего безликого мира, а носителями конкретного этнокультурного сообщества. Этнос — это один из типов организации общества и при этом пока самый долговременный тип. Генетический страх быть растворенным в пучине глобальных перемен рождает противодействие, принимающее те или иные формы в рамках различных этнокультурных сообществ. У малочисленных народов это чувство грядущей опасности особенно, иногда даже болезненно, невротически обострено. Но это общие для человечества этнические проблемы. Помимо общих существуют и особенные, и единичные проблемы, связанные с ростом национального самосознания. Если первые можно отнести к объективным факторам исторического процесса, то вторые содержат в себе значительный элемент субъективного.

Проблемам этничности посвящена монография члена-корреспондента РАН профессора Ж.Т. Тощенко, причем тому аспекту этнологии, который оказался на периферии внимания российского научного сообщества — этническому фактору в государственном управлении. В отечественной литературе существует дефицит серьезных работ, посвященных анализу взаимодействия этнического и кратологического. И это несмотря на то, что использование этнических интересов для достижения политических целей — широко распространенная практика в современном мире. Особенно это актуально для постсоветского пространства, когда в результате распада Советского Союза образовались независимые государства, в большинстве из которых местная номенклатура в своих претензиях на власть использовала национальную идею. Если в Западной Европе период образования национальных государств остался в далеком прошлом, то для территории бывшего СССР эта проблема сегодня одна из наиболее острых, так как после распада СССР за пределами России оказалось почти 25 миллионов русских, ставших национальными меньшинствами в новых независимых государствах. Злободневность тематики и определяет пафос исследования Ж. Тощенко. Как справедливо отмечает автор, «властные полномочия сосредотачивались в руках одной этнонациональной группы, которая занимала лидирующее положение по отношению к другим группам и использовала власть в интересах именно этой группы» (с. 13). Становление новых государств, за исключением разве что Белоруссии, проходило не под лозунгом национально-освободительной борьбы, — ее, по существу, не было, так как СССР распался в одночасье, удивив своим мгновенным саморазрушением и самих советских людей, и окружающий мир. Этнократия возникла сверху как самый простой метод удержания власти. В книге приводятся слова К. Поппера, утверждавшего, что розыгрыш этнической карты — практически беспроигрышный вариант для политического деятеля — «это самый дешевый и надежный способ, с помощью которого может продвигаться политик, которому нечего больше предложить» (с. 90).

Советское руководство как субъект управления не нашло механизма согласования интересов человека, наций и интересов государства. В результате национальные идеи стали разрушительными для жестко унитарного союзного государства, а в бывших союзных республиках утвердились, как правило, этнократические режимы, основанные на пренебрежении интересами «некоренных народов» (с. 53). В качестве большинства некоренного населения оказались русские, поэтому в фундаментальном исследовании Ж. Тощенко большое место отводится анализу их положения в новых государствах.

В центральном разделе книги «Этническая идеология» автор справедливо отмечает, что политика и идеология — наиболее экспансивные, навязчивые системы массового сознания и организации общества. При этом всякий дефицит политики, политический

вакуум, недостаток политических идей и решений неизбежно замещается идеологическими конструктами (с. 159). Этническая идеология актуализируется в период обострения политической борьбы, экономического и социального кризиса. Какой могла быть идеология обоснования и укрепления власти у бывших первых секретарей компартий республик после распада Союза? Только националистической, и часто откровенно русофобской. Это был самый простой выбор. Коммунистический режим пришел из Москвы, из России, поэтому вина за тяжелое экономическое положение, в котором все республики оказались в начале 1990-х гг., автоматически возлагалась на русских. Для прагматически ориентированных руководителей республик был только один выход — не столько акцентировать причины тяжелого экономического положения населения на коммунистической идеологии, на системе, ибо они сами были ее официальными апологетами, сколько на диктате Москвы, игнорирующей «национальные традиции», «национальную культуру», «национальные кадры» и т. п. Отсюда в явной или неявной форме «старший брат» объявлялся причиной всех бед, настигших население республик в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Советское руководство очень постаралось, наделав множество ошибок, критическая масса которых и привела к распаду СССР.

Всем было известно, что Москва присылала своих наместников в виде вторых секретарей компартий республик. Впрочем, был еще более курьезный эпизод, когда после смешения Д. Кунаева Казахстаном руководили сразу двое русских: первый секретарь Г. Колбин и второй — В. Мирошкин. Центру эта ошибка обошлась в виде взрыва недовольства, сопровождавшегося человеческими жертвами. Лозунги, с которыми вышли демонстранты на улицы Алма-Аты вроде «И среди казахов тоже есть умные люди», «Каждому народу — своего руководителя», были и логичны, и красноречивы. Так советское партийное руководство спровоцировало первые массовые этнические протесты в период перестройки (17–18 декабря 1986 г.). Автор подробно анализирует эти события, оценивая те шаги, «которые предпринимались верхушкой политической руководства во главе с М. Горбачевым и которые внесли немалую лепту в развал Союза, ибо они были не только ошибочными, но и примитивными, убогими, непоследовательными» (с. 17). И в то же время, отмечает автор, шло мощное движение снизу, с мест, из республик, которые предлагали нетривиальное, качественное преобразование национальных отношений, позволяющих реформировать государство на подлинных федеративных основах как условия сохранения Союза, выдвинутые Эстонией и поддержанные другими прибалтийскими республиками. В книге обосновывается вывод, что одной из причин распада СССР явилось нежелание политического руководства дать республикам экономическую самостоятельность (с. 41). Крайне низкий уровень осведомленности в области этнических отношений, который продемонстрировали руководители огромного многонационального государства, оказался еще одним мощным фактором взрыва русофобии, на волне которой не только укрепляли свою власть бывшие первые секретари, но и приходили к власти крайне радикальные националисты вроде Звизяда Гамсахурдиа в Грузии и Абульфазы Эльчибея в Азербайджане. Так, характеризуя ситуацию в Азербайджане, сложившуюся в период 1980–1990-х гг. после грубейших политических просчетов руководства СССР — события в Сумгаите (которые, по авторитетному мнению А.Н. Яковлева, были организованы центром) и последовавшие погромы в Баку, автор отмечает, что «ненависть к бывшей “метрополии”, казавшейся тогда в азербайджанском обществе средоточием зла и пороков, не знала никаких пределов» (с. 85). Обобщая политику центрального руководства в закавказских республиках, автор приходит к выводу, что преступность власти привела к

потере того многолетнего доверия, которое сложилось, несмотря на определенные издержки и недостатки, во всех республиках Закавказья (с. 121). Очевидное невежество центрального партийного руководства в сфере межнациональных отношений приводило в недоумение даже самых верных соратников Президента СССР. «Казалось, М. Горбачев, должен был многое видеть и о многом задумываться — ведь сам происходил с Северного Кавказа, — замечает в этой связи О. Лацис в своей книге «Тщательно спланированное самоубийство». — Но последующие события показали, что в национальных отношениях он разбирался хуже всего и в этой сфере совершил самые грубые ошибки».

Поэтому возникновение в новом российском зарубежье этнократии — формы политической власти, при которой управление экономическими, политическими, социальными и духовными процессами осуществляется с позиций примата национальных интересов доминирующей этнической группы в ущерб представителям других групп (с. 55), объясняется как общемировыми, объективными процессами, тем самым *ethnic revival*, т. е. «этническим возрождением» (с. 37), так и внутренними, в большей части субъективными факторами. Причем, как это показано в книге и с чем следует согласиться, последние в формировании националистических, русофобских режимов доминировали. Разумеется, нельзя исключать из анализа предыдущий период — произвол сталинских границ между союзными республиками, депортацию народов и т. п., но в период перестройки центральное руководство сделало многое, если не сказать все, для того, чтобы спровоцировать волну национализма и русофобии на всем постсоветском пространстве. В книге приводятся многочисленные примеры этнократических тенденций и откровенной русофобии в Татарии, Туве, Адыгее, Якутии и других национальных республиках России, о которых мало что известно российскому общественному мнению, так же, как и об антирусских тенденциях в ряде стран — наших союзников по СНГ. В русле этих настроений находятся экономические претензии к России, периодически предъявляемые национал-радикальными политиками не только стран Балтии, но и Украины, Верховная Рада которой в июне 2000 г. приняла постановление об иске в сумме 125 млрд долларов, которые Россия как правопреемница Советского Союза должна вернуть Украине. При этом украинские национал-радикалы не возражали, когда Россия взяла на себя все долги бывшего Союза, признав его обязательства перед мировым сообществом (с. 229). Российские СМИ избегают акцентировать внимание на притеснениях русских в странах СНГ. Только тогда, когда русских лишают работы, выгоняют из их квартир, сажают в тюрьму, как это происходило недавно в Туркмении, это в какой-то мере становится достоянием общественного мнения. За годы, прошедшие после распада СССР, в российских политических кругах и масс-медиа сложился четкий избирательный подход к осуждению антирусской политики на постсоветской территории. Ж. Тощенко в своей книге это убедительно демонстрирует.

В своем масштабном исследовании этнократии автор выявляет сущность и содержание этого явления, предлагает свою типологию этнократии, прослеживает генезис этнократических идей, рассматривает правовые основы этнократии, анализирует ее государственно-институциональный облик, выявляет формы проявления этого феномена в различных цивилизационных системах, отмечая при этом, что этнократия — это власть не этноса в прямом смысле этого слова, а власть этнической группы, захватившей власть в стране (с. 58). Анализируя средства и методы этнократических групп в полиэтнических государствах, автор приходит к выводу, что во второй половине XX в. этническая власть стала концентрироваться на таких методах взаимодействия с этническими меньшинствами, как *аккомодация* — учет интересов национальных меньшинств, в том числе и в фор-

ме автономии, *аккультурация* — когда миноритарные группы, сохраняя свою этническую самобытность, усваивают ценности культуры доминирующего этноса, и *ассимиляция*, когда в результате межэтнического взаимодействия один этнос поглощается другим. С точкой зрения Ж. Тощенко, представленной в рецензируемой книге, вполне можно согласиться. Действительно, деятельность многих политиков в государствах постсоветского пространства, например, в странах Балтии, позволяет классифицировать существующую там власть как этнократическую. Хотя, если быть объективным, то нет оснований утверждать, что для русских, живущих в России, нынешняя клептократия — более приемлемая форма управления государством, чем этнократия для русских в странах Балтии.

Современные антиглобалистские процессы показывают, что безотказно функционирующие «плавильные котлы» ассимиляции не работают, как прежде, и сама парадигма ассимиляции все чаще вызывает активную реакцию отторжения у миноритарных этнических групп (с. 174). Тем не менее, возглавляемые национал-радикалами правительства некоторых бывших союзных республик проводили внутреннюю политику, исходя из этой парадигмы. В частности, это проявлялось в попытке вытеснить русский язык из государственного оборота, и, прежде всего, из системы образования. Многими русский язык был объявлен инструментом имперской политики (с. 372). Так, на Украине с каждым годом усиливается украинизация образования, постоянно уменьшается количество русских школ. В книге приводится следующий показательный факт: в русскоязычном Киеве в 1998 г. из 365 школ лишь 18 были русскими. Для сравнения можно привести другой пример: в 2001/2002 в Эстонии, где русского населения вдвое меньше, чем в Киеве, функционировало 200 школ с 70 тыс. учащихся — факт, который старательно обходят российские масс-медиа. Это не означает, что в Эстонии меньше доля национал-радикалов в правящей верхушке, чем на Украине. Это лишь означает то, что «лики, формы и методы этнократических проявлений на постсоветском пространстве разнообразны: от упакованного в демократические одежды этнократического управления в странах Балтии до открытых форм давления в ряде республик Средней Азии и Закавказья» (с. 16).

В своей фундаментальной монографии Ж.Т. Тощенко глубоко и всесторонне проанализировал сложный комплекс этнических проблем, охватив многие смежные социокультурные, политические, экономические и нравственно-этические проблемы, наметил целый ряд новых направлений для исследований в сфере этнических отношений, но, главное, он убедительно показал, что «мы имеем дело с чрезвычайно новым, важным явлением, на которое не следует закрывать глаза, ибо оно несет в себе мощный не только созидательный, но и разрушительный заряд» (с. 191), что убедительно подтверждают события, происходящие сегодня как на постсоветском пространстве, так и в мире в целом.

Литература

Лацис О. Тщательно спланированное самоубийство. М.: Московская школа политических исследований, 2002.

Нарочицкая Е.А. Этнонациональные конфликты и их разрешение: (политические теории и опыт Запада). М.: ИНИОН РАН, 2000.